

Бледно-зелёное –
Вытешь
И станешь прозрачным,
Словно вода...
Если б такое найти лекарство!
Исикава Такубоку, XX век

Кто сказал, что бамбук
Гнётся под снегом?
Когда бы коленица гнуться могли,
Разве он зеленел бы зимой?
Верно, в морозы стоек один лишь бамбук,
Непреклонный, духом прямой.
Вон Чхонсок, XIV век

Всех же дней Мафусаила было
девятьсот шестьдесят девять лет;
и он умер.
Пророк Моисей, XIII век до н.э.

ГЛАВА I

В очередной день приближённого значения числа *π* майор Одинцов готов был кого-нибудь убить...

...и на роль жертвы уверенно претендовал Дефорж, который появился неожиданно и вконец угробил Одинцову настроение рассказом о психах и покойниках. Но первым всё-таки начал Муниин: двадцать пятого августа насчёт числа *π* заикнулся именно он.

— Ты полегче, — посоветовал тогда Одинцов. — Это мы уже проходили, хватит.

Они действительно это уже проходили. Причём дважды за последние полгода.

Дату четырнадцатое марта во многих странах коротко записывают в обратном порядке: сначала месяц, потом день — 3.14, как первые знаки знаменитой константы. Шутники-программисты объявили четырнадцатое марта днём числа *π*. Нынешней весной в этот день Одинцова с Муниным едва не убили, а потом преследовали, похищали, пытались убить снова... Они чудом спаслись — только благодаря тому, что сумели разгадать тайну трёх россий-

ских государей, — и потом два месяца поправляли здоровье в госпитале.

Двадцать второе число седьмого месяца можно записать как $22/7$, двадцать две седьмых. Результат этого деления — 3.14, поэтому июльскую дату назвали «днём приближённого значения числа *π*». После госпиталя Одинцову и Мунину казалось, что все бури позади. Но двадцать второго июля накатила новая волна, и жизнь компаньонов снова зависела от разгадки тайны двух древних реликвий, а смерть опять шла по пятам...

Двадцать пятого августа о занятном совпадении вспомнил Мунин. Что ж, очередной день, связанный с числом *π*, действительно не задался, и доконал его рассказ Дефоржа.

Советуя Мунину не шутить с нумерологией, Одинцов как в воду глядел — причём в буквальном смысле: он любовался в бинокль на гладь Сиамского залива. Море играло всеми оттенками синего цвета. Чем дальше от берега, тем сочнее становились краски, бирюза резко переходила в лазурь и ультрамарин, а над горизонтом стояли облака — такие же белые, как пляжный песок под ногами Одинцова.

Когда Мунин с Кларой подошли к соседним шезлонгам, Одинцов оторвался от бинокля и окинул взглядом сдобную фигуру подружки своего компаньона. Клара спрятала под широкополой шляпой коротко стриженную рыжую голову и нацепила на нос большущие тёмные очки, но легкомысленный чёрный купальник не

Тайна одной саламандры, или Salamandridae (Настоящие саламандры) скрывал ни прелестей девушки, ни разноцветных татуировок на её молочной коже.

По рукам Клары змеились готические надписи. Левое бедро охватывала кружевная чулочная подвязка, изображённая в мелких деталях. Правая нога от ступни почти до колена была увита виноградной лозой. Пирсинг в пупке поблёскивал каплей росы на лепестке алой розы, стебель которой уходил под бикини, дразня фантазию. По плечам распластали крылья пёстрые бабочки.

Изучить эту живопись Одинцову помешал Мунин.

— Ева ещё спит? — спросил он.

Одинцов кивнул и снова уставился в бинокль. Он с Евой и Мунин с Klarой прилетели в Таиланд накануне, к вечеру добрались на остров Чанг и для начала решили хорошенько отоспаться, а заодно привыкнуть к смене часовых поясов.

Два их бунгало стояли поодаль от прочих таких же белых одноэтажных домиков, которые рядами выстроились вдоль узкой полоски пляжа. Каждый домик — неприязнительный на вид, с крышей из декоративного тростника — внутри скрывал просторные апартаменты класса люкс. Большая часть отеля сейчас пустовала: конец августа в тропиках — сезон дождей, хотя с погодой компаньонам повезло.

Утром Одинцов поднялся первым и не стал будить Еву. После душа он прошлёпал босыми ногами по глянцевому деревянному полу в холл — с баром и кухней, где уютно пахло тиковым деревом. Сварил себе кофе, съел

пару бананов и вышел на белый песчаный пляж, начавшийся сразу за порогом.

До тридцатиградусной жары было ещё далеко, но песок уже высох после ночного дождя, и тёплая вода в море напоминала бульон. Одинцов понырлял, отплыв подальше от берега — туда, где прохладнее. Он успел вернуться, смыть соль под душем и снова выйти на пляж, когда Мунин с Кларой наконец продрали глаза и устроились в соседних шезлонгах.

— Золото на голубом! — продекламировал Мунин то ли стихи, то ли песню, озирая панораму залива в солнечных искрах. Парочка обсуждала древнюю керамику. Одинцов не удивился. Мунин к двадцати пяти годам уже был знаменитым историком, который разгадал многовековую тайну трёх российских государей и кое-какие секреты европейской цивилизации, а юная Клара изучала археологию в Кёльнском университете.

За разговором о керамике девушка успевала бросать любопытные взгляды на Одинцова. Она впервые видела его в одних плавках. Старый солдат на шестом десятке сохранил впечатляющую мускулатуру и неплохо загорел на даче под Петербургом — ещё до начала июльских приключений. Белокожей Кларе впору было завидовать...

...как и Мунину, который не мог похвастать ни мускулатурой, ни боевыми шрамами, ни загаром. Он почувствовал укол ревности, оборвал на полуслове фразу о глиняных черепках древнего Вавилона и спросил у Клары:

Тайна одной саламандры, или Salamandridae (Настоящие саламандры)

— Ты обгореть не боишься?

— Я намазалась, — ответила Клара, погладив лоснящееся от крема татуированное бедро.

— Ты обгоришь, — настаивал Муниин. — Давай пересядем вон туда, под пальмы. — Он мотнул головой в сторону тенистых зарослей рядом с бунгалом.

— Это бананы, — сказал Одинцов, снова покосившись на парочку.

— А банан что, не пальма? — хмыкнул Муниин.

— Нет. Банан — это трава. На которой растут ягоды. Между собой компаньоны говорили по-русски. Клара поняла только международные слова, но подтвердила на английском:

— Это не пальмы и вообще не деревья, это бананы.

Муниин заслуженно гордился своей феноменальной памятью и обширнейшей эрудицией, а здесь попал впро-сак. Причём подловил его не кто-нибудь, а Одинцов — выдавший виды солдат, но далеко не энциклопедист. Историк взялся за смартфон, и через считанные секунды интернет-поиск подтвердил, что банан — травянистое растение, а его плод — в самом деле ягода.

Получив чувствительный удар по самолюбию, всезнайка поспешил вернуться к разговору о керамике.

— Кстати, в городе Сузы... это километров двести от Вавилона, — небрежно пояснил он Одинцову, — нашли табличку с числом *ни*. Табличке три тысячи семьсот лет. Тогда считали, что *ни* — это двадцать пять восьмых. А се-

годня как раз двадцать пятое августа, восьмой месяц. Получается снова день приближённого значения числа *пи*.

Одинцов нахмурился и сказал:

— Ты полегче. Это мы уже проходили, хватит.

На сегодня он запланировал важное дело, а дата, связанная с числом *пи*, сулила только неприятности.

— Привет! — окликнула компанию Ева из дверного проёма бунгало.

Смоляную копну её курчавых волос пошевеливал морской бриз. Огромные синие глаза глядели весело. Тёмная кожа эритрейской красавицы в свете тропического солнца отливала бронзой. Белый купальник был скромнее, чем у Клары, но тоже подчёркивал фигуру. В юности Ева блистала на подиуме — и отказалась от головокружительной карьеры манекенщицы, чтобы сделать не менее блестящую карьеру в математической аналитике. Теперь имя доктора Евы Хугин с уважением произносили коллеги по всему миру.

Ева подошла к шезлонгам и коснулась губами щеки Одинцова, который рывком встал ей навстречу.

— Привет, милый... Какая у нас программа? Уже придумали?

Мунин поспешил ответить:

— Нет, собирались как раз. Напоминаю, что мы знаем о Чанге. Тут в горах есть водопады, причём один — это целый каскад, пять штук. Есть школа обезьян, шоу показывают. Есть парк аттракционов с верёвочными лестницами, тарзанками, полосой препятствий и так да-

Тайна одной саламандры, или Salamandridae (Настоящие саламандры)

лее. Вдруг кому-то интересно... — Историк взглянул на Одинцова. — Можно съездить на экскурсию в рыбацкую деревню. Можно полетать над островом на самолёте, копейки стоит. Можно квадроциклы взять в аренду и по джунглям прошвырнуться. Храмов буддийских тут много, в каждой деревне свой. Кстати, есть православная церковь Сергия Радонежского. Мемориал героям битвы с французскими колонизаторами. Затонувший корабль для дайверов... В общем, скучать не будем.

— Шопинг, — добавила Клара. — Ты забыл шопинг.

— Ну да, шопинг, — согласился Мунин.

— Точно! — поддержала Ева и поправила купальник на груди. — Я скоро перестану в этом помещаться.

Одинцов кашлянул.

— Хм... Шопинг — само собой, но я что хотел сказать... — Это было как раз то важное дело, для которого он уже который день подбирал слова. В голову не приходило ничего путного. — Чёрт его знает, как правильно... Наверное, надо смокинг надеть, встать на колени... Но тут все свои — чего перед вами дурака валять? Я лучше по-военному... Ева! Выходи за меня замуж.

— Вау! — Обрадованная Клара подскочила в шезлонге.

Ева молчала. Наступившую тишину нарушал только едва слышный шелест волн у берега.

— Ева, ты выйдешь за меня? — выждав достаточно долго, повторил Одинцов стандартную английскую формулу, которая терпимо звучит в кино, а в жизни от неё скулы сводит.

Ева грациозно уселась прямо на песок и взглянула на Одинцова снизу вверх.

— Почему именно сейчас?

— Ну, как... По-моему, самое время. Раньше не до того было.

— Ты предлагаешь пожениться, потому что я беременна?

Ева сказала о беременности полторы недели назад; раньше всей компании действительно было не до того. Но целых полторы недели Одинцов не заводил разговор о женитьбе.

— Такое надо сперва в голове уложить, — признался он. — Я обалдел, честно говоря. Всё-таки не мальчик уже...

Ева усмехнулась.

— Я тоже давно не девочка. Мне тридцать восемь лет. Обалдел он... А я не обалдела?! Как представляю, что скоро пузо начнёт расти, у меня мороз по коже. — Она снова поправила купальник на груди. — Но я не хочу, чтобы говорили, что ты женился на сорокалетней бабе из-за ребёнка. И сама не хочу так думать.

Одинцов помолчал ещё немного, сказал:

— Понятно, — и двинулся к морю.

— Народ, ну вы чего?! — подал голос Мунин.

Клара сердито ткнула его кулаком в бок, а Ева крикнула вслед Одинцову:

— Я не сказала «нет»!

Тайна одной саламандры, или Salamandridae (Настоящие саламандры)

— Ты не сказала «да», — пробурчал он, входя в кристально чистую воду. Из-под ног брызнули в стороны маленькие цветные рыбки.

— Жалеть не будешь? — спросила Клара у старшей подруги.

Ева вроде бы хотела ответить, но только надула щёки, с шумом выдохнула и перебралась в шезлонг Одинцова.

— А если он утонет? — неуверенно произнёс Мушин, глядя, как Одинцов гребёт прочь от берега. Женщины промолчали.

Потом Ева с Кларой и Муниным тоже искупались, поглазели на рыбок и раковины; потом пили сок, лёжа в шезлонгах...

И тут появился Дефорж.